

А. В. КОПТЕВ

ИНТЕРРЕГНУМ И ДИКТАТУРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕМАГИСТРАТСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В РАННЕМ РИМЕ

Интеррексы и диктаторы назначались сенатом, не избирались народом, обладали ауспичиями неизвестного происхождения, были временными носителями высшей власти взамен консулов, выполняли экстраординарные задачи. Происхождение обеих должностей восходит к догражданскому обществу раннего Рима, связано с царской властью и календарными обрядами конца и середины года (Регифугий и Поплифугий). С учреждением республики интеррегнум и диктатура эволюционировали в сторону сближения с магистратурами римского народа.

Ключевые слова: интеррегнум, диктатура, магистратуры, царская власть, сенат

Интеррегнум и диктатура казалось бы были совершенно разными институтами римской древности.¹ Интеррегнум (междуцарствие) возник как временное правление сенаторов после смерти царя на время подготовки выборов его преемника.² В эпоху республики интеррегнум стал назначаться в случае смерти обоих консулов или ситуации, когда ни один из них не мог провести выборы своего преемника.³ И царь, и консулы были носителями высших ауспичий для поддержания связи римского народа с богами. Интеррексы, назначавшиеся из числа сенаторов, временно замещали этих высших представителей римского народа в случае их отсутствия, чтобы его связь с богами не нарушалась. В источниках фигурируют две основные причины учреждения интеррегнума — обновление ауспичий и проведение консульских (царских) выборов.⁴

Диктатура, как считается, была учреждена через несколько лет после возникновения римской республики в 501 г. (здесь и далее — до н.э.).⁵ Хотя

¹ В отечественной литературе они и рассматриваются отдельно. См. [Дементьева, 1996; 1998].

² *Cic. rep.* 2.23; *Liv.* 1.17.5–6; *Dionys.* 2.57.1–2; *Plut.* Numa 2.7; *App.* BC 1.98; *SHA: Vopisc. Vita Taciti* 1.1–6.

³ *Liv.* 4.7.7: *Patricii cum sine curuli magistratu res publica esset, coiere et interregem creavere.*

⁴ См. [Коптев, 2012, с. 137–170].

⁵ *Liv.* 2.18.4–8; *Dionys.* 5.71.2–73.1; 75.2.

власть первоначальных консулов античные авторы считали равной царской¹ и позднее призывали к ее реформированию в 462-449 гг., диктатура была создана как концентрация этой власти в одних руках для борьбы с изгнанными Тарквиниями. Впрочем, несмотря на утверждение Полибия (3.87.7–9) об отсутствии ограничений империя (власти) диктатора (αὐτοκράτωρ), консульский империй в его же представлении мало чем от него отличался (6.12.5: σὺν δὸν αὐτοκράτορα τὴν ἐξουσίαν ἔχουσι). Он отмечает, что консульская республика каждому может показаться монархическим государством.² Цицерон также почти не различал диктаторский и консульский империи. Власть диктатора он называет подобной царской.³ Но и консульский империй в его представлении также равнялся власти царей.⁴ Идея, что империй диктатора выше консульского и преторского, могла придти в голову римлянам только после закона Вилия 180 г., установившего *cursus honorum* и, соответственно, иерархию магистратур. Это повлекло за собой утверждение представления об иерархии империев. В раннюю же эпоху не существовало разницы между империем преторов и консулов (называвшихся преторами), а соответственно, и империем диктаторским, полученным от консула. По решению сената диктатора назначал консул, как бы передавая ему свою (и своего коллеги) высшую власть и поступая к нему в качестве легата.⁵ В этой связи вызывает сомнение и общепринятое мнение, что в отличие от консулов ранний диктатор мог пользоваться военным империем не только за померием, но и в городе. Однако со времен поздней республики считается, что диктатура учреждалась сенатом в случае, когда Рим оказывался в особо сложной ситуации, требовавшей жесткого военного единоначалия. Диктатор складывал полномочия по выполнению задачи, ради которой он назначался (*rei gerendae causa*), и власть возвращалась к консулам.

Как и интеррегнум, диктатура была временным институтом, учреждавшимся на срок до выполнения поставленной задачи. Максимальный срок пребывания диктатора в должности был ограничен шестью месяцами. Проведение консульских выборов на Марсовом поле и победа над врагом одинаково завершались возвращением интеррекса и диктатора в Рим, пересекая померий которого они слагали свои полномочия. При республике интеррексами назначались сенаторы, бывшие высшими магистратами, консулами или преторами. Так же и диктаторами обычно становились те, кто уже имел в активе военный империй, то есть бывшие высшие магистраты и, следовательно, сенаторы. Таким образом, и интеррегнум, и диктатура учреждались по решению сената и из числа сенаторов. Так что народ не имел никакого отношения к обоим институтам. В эпоху Пунических войн сенат стал запрашивать трибы на предмет согласия с предлагаемой кандидатурой диктатора, но это было именно выражение согласия, а не голосование за кандидата на должность.

¹ Polyb. 6.12; Liv. 2.1.7–8; 8.32.3; Cic. rep. 2. 56; Augustin. Civ. Dei 5.12; Dig. 1.2.16.

² Polyb. 6.12.9: ὅστ' εἰκότως εἰπεῖν ἄν...διότι μοναρχικὸν ἀπλῶς καὶ βασιλικὸν ἐστὶ τὸ πολίτευμα.

³ Cic. rep. 2.56: novumque id genus imperii visum est et proximum similitudini regiae.

⁴ Cic. rep. 2.56: atque uti consules potestatem haberent tempore dumtaxat annum, genere ipso ac iure regiam.

⁵ О проблеме см. [Сморчков 2009, с. 70–72].

В годы Второй Пунической войны, после поражения и гибели консула Фламиния при Тразименском озере в 217 г., сенат решил прибегнуть к диктатуре. Вторым консулом Гней Сервилий был далеко от Рима и не мог назначить диктатора. Тогда, как рассказывал Целий Антипатр в 130-х гг. и вслед за ним Ливий (22.8.6), впервые римляне прибегли в выборе диктатора в комициях. Диктатор Квинт Фабий Максим и начальник конницы Марк Минуций Руф имели разное мнение о тактике ведения войны, что привело к временному разделению их войск. По этой причине, видимо, Полибий (3.103.4 и 8) даже писал, что римляне выбрали двух диктаторов. Ливий (22.31.8–11), однако, разъясняет: «Почти все летописи сообщают, что Фабий диктатором вел войну с Ганнибалом, а Целий даже пишет, что это был первый диктатор, избранный на свою должность народом; Целий и прочие упустили из виду, что правом назначить диктатора обладал только консул, консулом же тогда был Гней Сервилий, находившийся далеко в провинции Галлии. Государство, напуганное уже третьим проигранным сражением, не в силах было ждать — потому и прибегли к такому средству: народ избрал должностное лицо с диктаторской властью. Но подвиги и слава Фабия были велики, и потомки, возвеличивая предка, начертали под его изображением не «с диктаторской властью», а просто «диктатор», чему легко поверили».¹

Иными словами, ни интеррекс, ни диктатор не были магистратами римского народа.² Сами римляне не считали интеррексов магистратами, как следует из слов Ливия (6.41.5–6): «будучи частными лицами мы (патриции) имеем ауспиции, которых эти (плебеи), не имеют и магистратами (et privatim auspicia habeamus, que isti ne in magistratibus quidem habent)!» Имеется ввиду, что патриции проводят ауспиции во время интеррегнума, не занимая никакой должности [Linderski, 1990, p. 35–38]. В отношении диктаторов проблему затрудняет то обстоятельство, что древняя диктатура вышла из употребления после 202 г.³ Первые сохранившиеся сведения о ней принадлежат Полибию, который, будучи греком, воспринимал лишь внешнюю военно-политическую форму власти диктаторов. В частности, Полибий (3.87.8–9) писал: «Отличие диктатора от консула состоит в следующем: за каждым из консулов следует по двенадцати секир, за диктатором двадцать четыре; тогда как консулы во многих делах нуждаются в соизволении сената для осуществления своих планов, диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть». С легкой руки Полибия в современной науке утвердилось мнение о неоспоримой власти диктатора. Но почему народные трибуны не слагали власть при диктаторе? Видимо потому, что их власть распространялась только на город, а диктатор, следовательно, имел власть только за померием, так что его полномочия не пересекались с трибунскими. Причисление диктаторов и интеррексов к экстраординарным магистратам лишь указывает, что настоящими магистратами они не были. Обе должности представляли не римский

¹ Ср. [Lesiński, 2002, p. 131–158]; [Сморчков, 2009, с. 69].

² В отношении интеррексов это продемонстрировал Уго Коли. См. [Coli, 1951, p. 54–59; 156–157]; [Staveley, 1954/55, p. 194–195].

³ О диктаторе как экстраординарном магистрате в противовес интеррексу см. [Staveley, 1954/55, p. 194–196]; [Ogilvie, 1965, p. 409]; [Wieacker, 1988, S. 224].

народ, а сенат [Сморчков, 2009, с. 68].¹ Интеррексы внутри померия, а диктатор — за его пределами.

Сближение функций, выполнявшихся интеррексами и диктаторами, начинается с середины IV в. Начиная с 351 г., римский сенат назначает диктаторов для проведения консульских выборов (*comitiorum habendorum causa*). С IV до конца III вв. число таких диктаторов все увеличивалось, а в период Пунических войн оно существенно превзошло количество диктаторов, назначавшихся для военных целей [Kaplan, 1977, p. 169–173]. Этот феномен проведения консульских выборов то с помощью интеррексов, то через назначение диктатора был подробно рассмотрен в монографии Йоахима Хана [Jahn, 1970, S. 55–150]. Очевидно, что римская диктатура почти утратила свое первоначальное значение и стала некоторым образом похожа на интеррегнум.

Сходство интеррекса с диктатором выражалось прежде всего в том, что обоих не избирал народ, оба обладали ауспигиями непонятного происхождения, оба выполняли экстраординарные задачи и оба слагали полномочия по их исполнению.² Оба временно обладали атрибутами магистратской власти (*fasci, sella curulis*).³ Практически все известные интеррексы были бывшими высшими магистратами, обладавшими империем, как и диктаторы. Только интеррексу империй не принадлежал по должности [Magdelain, 1964, p. 427–431; Guarino, 1973, p. 134–135; Jahn, 1970, S. 14–19; Linderski, 1990, p. 38–39; Gusso, 2001, p. 51–66: 65].⁴ Пятидневный срок пребывания в должности интеррекса вполне сравним с краткосрочными диктатурами, а учреждение интеррексов в случае отсутствия обоих консулов напоминает сложение консулами полномочий при назначении диктаторов.

Однако, в отличие от диктатора, интеррексы (*patres*), к которым переходили ауспигии при отсутствии консулов, не обладали исполнительной властью и должны были провести избрание магистратов как можно скорее [Staveley, 1954/55, p. 194–196; Ogilvie, 1965, p. 409; Wieacker, 1988, S. 224]. По мнению Стюарта Стэвли, при республике интеррекс не эволюционировал в магистрата или его подобие и, как и в царскую эпоху, оставался назначенцем *patres* [Staveley, 1954/55, p. 195]. Однако Альфред Хойс подчеркивал, что интеррекс, назначенный *auspicato*, напоминает магистрата, который также избирался *auspicato* [Heuss, 1982, S. 424]. Наличие у интеррексов не только магистратских инсигний, но и *ius cum populi agendi*, империя и ауспигий создавало впечатление об их подобии магистратам. Поэтому Йохен

¹ Сморчков обращает внимание на случаи, когда о назначении диктатора консул информировал только сенат, но не народ — в 310 г. (*Liv.* 9. 38. 14; *Cass. Dio* 8. 36. 26) и 439 г. (*Liv.* 4. 13. 10–14; 14. 1–2; *Dionys.* 12. 1. 13–15; 2. 1–4; *Zonar.* 7. 20).

² *Lyd. Mag.* 1.36.1; 38.14.

³ Организация консульских выборов в качестве цели интеррегнума обусловила наличие у интеррексов *ius agendi cum patribus et cum populo* (*Cic. leg.* 3. 4. 10). Наличие этого же права у консула, претора, диктатора и его заместителя отнюдь не уравнивает с ними интеррекса и по всем прочим параметрам магистратур, как можно подумать. Например, см. [Дементьева, 1998, с. 86].

⁴ С точки зрения Магделена, возвращение сенатору-интеррексу ауспигий было связано как раз с тем, что он уже был их держателем во время отправления магистратуры.

Бляйкен предположил, что интеррекс рассматривался современниками не просто как сенатор с ауспигиями, а в качестве «временного правителя» (*'Zwischenherrscher'*) [Bleicken, 1981, S. 263].

Это сходство производило впечатление на историков, писавших в эпоху Августа, режим которого стимулировал двойственное представление о римской политической системе. Так, под 482 г. Дионисий Галикарнасский (8.90.4) заявляет, что когда «сенат назначил интеррексом Авла Семпрония Атрагина, остальные должности были временно упразднены». Создается впечатление, что учреждение интеррегнума имело такое же политическое значение, что и учреждение диктатуры, когда вся полнота власти переходила к диктатору. Отголоском современных Ливию проблем звучат слова, приписываемые им трибуну 310 г. Публию Семпронию: «Как же нам теперь назначить кого-нибудь священным царем? Он ухватится за имя «царь» и объявит, что избран полноправным царем Рима! Кто, по-твоему, удовольствуется тогда полугодовой диктатурой или междуцарствием на пять дней?»¹. В конце республики оба интеррекс и диктатор напоминали экстраординарных носителей магистратской власти, хотя происхождение и природа их полномочий были отличными от магистратских.

Как известно, после 202 г. в течение 130 лет римляне не прибегали к институту диктатуры, видимо, выработавшему свой древний ресурс. Лишь в 82 г. Корнелий Сулла восстановил его, проведя назначения диктатором себя самого. Сулла назначался диктатором «для написания законов и укрепления республики» (*dictator legibus scribundis et rei publicae constituendae*) [Vervaet, 2004, p. 37–84]. Его назначение было проведено вразрез с древними нормами назначения диктатора. Вместо консула, назначение Суллы проводил интеррекс Л. Валерий Флакк, а изданный им закон о диктаторе утверждался в центуриатных комициях. Диктатура Суллы не была ограничена шестимесячным сроком, как в древности. После Суллы диктатором несколько раз назначался Юлий Цезарь. Его широкомасштабные реформы вызвали широкую оппозицию в сенате и последующее убийство Цезаря. Новая диктатура поздней республики уже не была подконтрольна сенату и потому дискредитировала себя в глазах сенаторов. Поэтому Октавиан отказался от этой должности и режим собственной власти позиционировал как «принципат» частного лица с империем.

Хотя интеррегнум как-будто не вышел из употребления в годы второй Пунической войны, примечательно, что античные историки упоминают его в последний раз под 208 г.² После этого, подобно диктатуре, он не упоминается до 82 г. Однако в отличие от диктатуры интеррегнум сохранялся в течение II в. как единственное средство проведения консульских выборов в случае отсутствия обоих консулов. Косвенные данные указывают на учреждение интеррегнума в 162 г. Йохан Хан реконструировал еще несколько интеррегнумов. После сулланской диктатуры известны интеррегнумы 81, 77, 55, 53 и 52 гг. Последний раз вопрос об учреждении интеррекссов встал в связи с гибелью консулов Гирция и Пансы в 43 г. Однако остается неясным,

¹ *Liv.* 9.34.12: quem interregno quinque dierum contentum fore putes?

² *Liv.* 27.6.8: interrex ... Q. Fabi, qui sibi continuari consulatum nisi id bono publico fieret profecto nunquam sisset.

были ли выборы Октавиана консулом проведены с помощью интеррегнума или другим способом.

Таким образом, согласно римской исторической традиции, древние институты интеррегнума и диктатуры сосуществовали в течение около трехсот лет с конца VI до конца III вв. Последние полтора столетия этого срока они настолько сблизились, что в определенном отношении (для проведения консульских выборов) стали взаимозаменяемы. Как представляется, такая эволюция не была случайной. Мы уже отмечали, что интеррекссы и диктаторы были не магистратами римского народа, а сенаторскими должностными лицами. Это указывает на глубокую древность обоих институтов. Они явно возникли в тот период когда римский народ еще не был допущен к управлению государством, а вся власть концентрировалась в руках сената.

В свое время Ульрих фон Любтов обосновал идею, согласно которой интеррекссы стали назначать с переходом к республике, для проведения консульских выборов [Lübtow, 1952, S. 154; 1955, S. 179–182; Friezer, 1959, p. 308]. В таком контексте интеррегнум и диктатура, учрежденные примерно в одно и то же время, выглядят ранними республиканскими должностями, предшествовавшими настоящим выборным магистратурам. Долгое время высшей должностью ранней республики оставался один двойной консулат, который, однако, существенно отличался от консулата эпохи расцвета республиканского строя. Во-первых, ранние консулы назывались преторами.¹ А во-вторых, по мнению Альфреда Хойса, они не были городскими магистратами, а лишь военными предводителями, действовавшими за пределами римского померия [Heuss, 1982, S. 447–450]. Интеррекссы и диктаторы, в таком случае, были своего рода связующим звеном между Городом внутри померия, где в раннереспубликанскую эпоху властвовал сенат, и римским населением на *ager Romanus*.

Однако последующие работы исследователей показали, что происхождение интеррегнума восходит к царской эпохе. Андре Магделен обосновал различие между междуцарствием царской эпохи, которое было религиозным обычаем регулировавшимся сакральным правом, и институтом интеррегнума при республике, когда он стал частью публичного права [Magdelain, 1990, p. 388]. Магделен полагал, что поскольку последние цари Рима этрусского происхождения правили без интеррегнума, поэтому между ранним священным обрядом и республиканским политическим институтом нет прямой преемственности. Республиканский интеррегнум сохранил лишь форму своего древнего предшественника. Тогда, по-видимому, и истоки диктатуры следовало бы искать в царской эпохе, а к 501 г. относится первое назначение республиканского диктатора. Как известно, республиканский диктатор по решению сената назначался одним из консулов. Поэтому римские историки не могли поместить учреждение диктатуры раньше консулата. Считается, что к учрежденным в начале республики консулам перешли основные царские полномочия,² а те, что не перешли, остались у жреца с

¹ *Cic. leg.* 3.3.8; *Ps.-Ascon. Verr.* 2.36 p. 234 Stangl; *Liv.* 3.55.11–12; *Fest.* p. 249 L: *Praetoria porta*; p. 152 L: *Maximum praetorem*; *Plin. NH.* 18.12; *Gell.* 11.18.6–8; *Zonar.* 7.19.

² *Liv.* 8.32.3: *consules, regia potestas* («консулы, у коих царские полномочия»).

титолом «царь священнодействий» (*rex sacrorum*). В таком случае допустимо предположение, что в эпоху, предшествующую республике, диктатора назначал царь, которого затем заместил консул. По данным Дионисия Галикарнасского (5.71.2–73.1; 75.2), первого республиканского диктатора Тита Ларция назначал его коллега по консулату, который при этом имитировал действия интеррекса. Неясно, правда, сочинил ли этот эпизод историк, у которого его заимствовал Дионисий, под влиянием диктатуры Суллы, или мы имеем здесь дело с рецидивом какого-то обычая царской эпохи, еще использовавшегося в начале республики.

Предположение о возникновении диктатуры в царскую эпоху, на мой взгляд, позволяет прояснить происхождение и характерные особенности этого института. Для того, чтобы лучше понять это, сначала обратимся к происхождению интеррегнума, которое ныне как-будто лучше известно.

* * *

Элмер Мерилл первым предложил объяснение происхождению «междуцарствия», возводящее его к древнейшей эпохе [Merrill, 1924, p. 20–39]. В древнейшем римском календаре последний день года приходился на 23 февраля и отмечался как праздник Терминалий.¹ Год начинался с 1 марта, так что последние пять дней с 24 по 28 февраля не принадлежал годовому циклу. Позднее Андре Магделен также связал происхождение интеррегнума с этим пятидневным перерывом в древнейшем римском календаре [Magdelain, 1962, p. 201–227].

По завершении года 24 февраля совершался ритуал Регифугия, во время которого *rex sacrorum* приносил жертву на Комиции и убегал с Форума в неизвестном направлении. Судя по всему, в очень древнюю эпоху царская власть была связана с годовым циклом.² Старение царя коррелировалось со «старением» года. Смена одного года другим рассматривалась как его обновление, и также требовалось обновление жизненных сил и власти действующего царя. Пять дней между оночанием годового цикла в Терминалии 23 февраля и 1 марта, когда начинался новый год, были вневременным периодом, на который царь покидал Рим, чтобы восстановить растрченную силу и вернуться затем в новом облике. С точки зрения Магделена, «бегство царя» о время Регифугия вело к утрате римской общиной контакта с миром богов. Боги поддерживали контакт с римской общиной и объявляли свою волю с помощью знаков, которые узнавались во время авгурий и ауспикаций. Древнейшие цари выполняли функции авгуров до того, как возникла специальная жреческая коллегия.³ Чтобы не были пропущены знаки богов, царя, покидавшего Рим, должен был кто-то замещать в этой главной в те времена функции наблюдения за небом. Пренебрежения волей богов было допустить нельзя, и поэтому возник обычай интеррегнума, во время которого *auspicia urbana*, принадлежавшие царю, переходили к *patres*. Чтобы сохранить связь с богами во время пятидневного отсутствия царя в Риме, по

¹ Название Терминалий производили от позиции праздника в конце года. См. *Varro* LL 6.13; *Ovid* *Fasti* 2.49.

² Подробнее о проблеме см. [Koptev, 2012, p. 51–130; *Ibid.*, 2013, p. 141–205].

³ *Cic.* *rep.* 2.16; *div.* 1.107; 2.80; *Vat.* 20.7; *Plut.* *Rom.* 22.1.

мнению исследователей, его местоблюстителем был один из *patres*, исполнявший роль интеррекса.

Царь в те времена был ритуальной фигурой, персонифицировавшей порядок и культурное начало в общине. Его временное отсутствие, обусловленное перерывом в календарном цикле, грозило обществу наступлением хаоса. Это показывает, что остальное время года римский царь проводил в городе (внутри померия). Ханс Фолькман сопоставил римское междоцарствие с персидским обычаем «аномии» [Volkman, 1967, S. 76–83]. После смерти персидского царя наступал период «беззакония» (аномия), по обычаю длившийся пять дней.¹ Подобно римскому, персидский календарь также имел пять дополнительных дней между двумя годовыми циклами.² По-видимому, эти обычаи были проявлением очень древних верований, общих для народов, состоявших в культурном родстве. Однако в своем историческом развитии разные народы по-своему решали возникавшие у них проблемы. В частности, у древних персов в течение пяти дней после смерти царя допускалась легальная анархия. Римляне пришли к необходимости выдвигания интеррекс. Это различие, возможно, в какой-то степени было обусловлено разным направлением эволюции царской власти в Персии и Риме.

Ритуал Регифугия совершался в феврале, который был для римлян месяцем искупления, очищения и смерти. По этой причине Йоахим Ян увидел в интеррексе «господина мертвого сезона». В качестве такового, по мнению Яна, интеррекс не имел властных полномочий и, в эпоху республики, когда интеррегнум стал политическим институтом, считалось, что первый интеррекс не может руководить комициями [Jahn, 1970, S. 23–25].

Антонио Гуарино обратил внимание, что, согласно теории Мерилла и Магделена, интеррегнум вводился не только после смерти царя, но и ежегодно после завершения годового цикла и совершения ритуала Регифугия [Guarino, 1973, p. 134–135]. Так что этот регулярно исполнявшийся обряд не обязательно относился к смерти царя. Каждый год римский царь, подобно *rex sacroregum*, заместившему его в республиканскую эпоху, исполнял ритуал Регифугия и отсутствовал в Риме в течение пяти дней до мартовских календ. В древнейшем Риме царь выбирался «отцами» (*patres*) для общения с небесными богами. Цицерон предполагал, что первоначально авгурия была прерогативой самого царя.³ Поэтому Ромул рассматривался в качестве первого авгура.⁴ Во время его пятидневного отсутствия связь между римской общиной и богами могла нарушиться. Чтобы избежать этого, ауспиции воз-

¹ Геродот (3.80.1) рассказывает, что заговор семи знатных персов, приведший Дария к власти, имел место как раз в период аномии при смене одного годового цикла другим. Точно также и события, приведшие к изгнанию римских Тарквиниев и установлению республики в Риме, произошли между 24 и 28 февраля (*Ovid Fasti*. 2.725–852).

² Согласно Геродоту (2.4), египетский календарь также состоял из 12 месяцев по 30 дней и пяти дополнительных дней.

³ О связи между царской властью и авгуриями см. [Sabbatuci, 1978, p. 418–430; Liou-Gille, 1998, p. 20–24].

⁴ См. *Cic. rep.* 2.16; *div.* 1.107; 2.80; *Vat.* 20.7; *Plut. Rom.* 22.1.

вращались к *patres*, которые должны были следить за небом в ожидании знаков богов. Ранние авгуры, по всей видимости, были помощниками царя, представлявшими три первоначальные трибы.¹ Поздние авторы рассматривали авгуров в качестве главных действующих лиц во время инаугурации царя.² Тот факт, что ауспиции во время интеррегнума не переходили к авгурам, показывает, что в то время, когда этот обычай возник, коллегия авгуров еще не существовала. Поэтому *patres* совместно выполняли ту функцию, которая позднее принадлежала жрецам и высшим магистратам.

То же самое происходило в случае несвоевременной смерти царя. Если царь умирал в середине года, интеррегнум мог быть учрежден по образцу ежегодного наблюдения *patres* за небом в пятидневный промежуток между старым и новым годом. Антикварная традиция поздней республики рассматривала организацию выборов царя преимущественно занятием интеррекса.³ Только Сервий Туллий и Тарквиний Гордый стали царями без интеррегнума.⁴ Этот факт позволяет исследователям предполагать, что этрусские цари не нуждались в интеррегнуме, будучи завоевателями в Риме.⁵ Оба эти царя могут рассматриваться как узурпаторы римского престола. Сервий Туллий стал царем после того, как его предшественник Тарквиний Древний был убит сыновьями Анка Марция. А сам Сервий также был убит по приказу его преемника Тарквиния Гордого.⁶ Если интеррегнум был обычным правилом передачи власти от одного царя к другому, можно предположить несколько его версий. Во-первых, если считать, что интеррекс правил без ограничений срока пока не выберут нового царя, интеррегнум мог продолжаться нескольких пятидневных периодов до проведения выборов. Во-вторых, допустимо предположение, что интеррегнум продолжался до конца календарного года. Например, с этой точки зрения, интеррегнум после смерти Ромула, умершего в ноны июля, должен был бы продолжаться до мартовских календ. Наконец, в-третьих, если вспомнить персидскую аномию продолжавшуюся пять дней, возможно и интеррегнум не мог выйти за пределы этого нормативного срока.

Как часто подчеркивается, после смерти царя ауспиции возвращались к сенаторам (*auspicia ad patres redeunt*) [Magdelain 1964, p. 427–473; Doveve, 2009, p. 328–329]. Эта практика сохранилась также и при республике, и Цицерон сообщает, что только сенаторы патрицианского происхождения имели право назначать интеррекса.⁷ Согласно римским историкам, именно облада-

¹ *Liv.* 10.6.7: *cum inter augures constet imparem numerum debere esse, ut tres antiquae tribus, Ramnes, Titienses, Luceres, suum quaeque augurem habeant.*

² О роли авгура в инаугурации см. [Linderski, 1986, S. 2215–2225], о ритуале инаугурации [Ibidem, S. 2256–2296]. О *auctoritas* авгуров при республике см. [Santangelo, 2013, p. 750–751].

³ Интеррегнум также описывается после смерти Нумы Помпилия (*Liv.* 1.22.1; *Dionys.* 3.1.1), Тулла Гостилия (*Liv.* 1.32.1; *Dionys.* 3.36.1), Анка Марция (*Dionys.* 3.46.1) и изгнания Тарквиния Гордого (*Dionys.* 4.75.1; 76.1; 84.5).

⁴ Но см. *Liv.* 1.41.6: *Seruius... uoluntate partum regnavit.*

⁵ *Siber*, 1968, S. 30; *Cornell*, 1995, p. 156–158, 235–236.

⁶ *Cp.* [Herzog, 1876, S. 507–508].

⁷ *Cic. dom.* 38; *ad Brut.* 1.5.4; *Ascon.* Milo 31 Clark. *Cp.* [Linderski, 1990, p. 35–38, 40–47].

ние ауспигиями отличало *patres* от прочих граждан.¹ Для обоснования исключительной принадлежности ауспигий *patres*, Ливий вложил в уста Аппия Клавдия Красса, внука децемвира, утверждение, что когда *patres* избирают интеррекса, они делают это независимо от народа, пользуясь ауспигиями как частные граждане.² «Как частные граждане» (*privatim auspicia habeamus*) означает здесь «не занимая никакой должности и не будучи магистратами» [Linderski, 1990, p. 35–38]. Фактически это означает, что ауспигии принадлежали *patres* по причине их членства в сенате.³ «Отцы» (*patres*), избранные в сенат, вряд ли могут рассматриваться полностью подобными обычным частным гражданам. Лиций постоянно подчеркивает, что задачей интеррекссов было «обновление ауспигий» (*renovatio auspicioꝝ*) в тех случаях, когда ауспигии исчезали в результате смерти или недееспособности высших магистратов.⁴ Это предполагает, что древнейшие *patres* несли ответственность за нерушимость контакта римской общины с небесными богами, в частности с Юпитером, богом ауспигий [Friezer, 1959, p. 316–319; Versnel, 1970, p. 329–332; Bleicken, 1981, S. 260–261]. Ранний сенат был коллективным носителем *auspicia publica*, и *patres* выбирали царя в качестве своего представителя в общении с богами. Поэтому, в случае отсутствия царя, ауспигии «возвращались» (*redeunt*) к *patres*.⁵ Согласно позднему рациональному взгляду Цицерона (rep. 2.23), интеррегнум «отцов» был необходим «чтобы, пока не будет избран постоянный царь, государство и не оставалось без царя, и не имело царя на долгий срок, и чтобы ни у кого не было возможности, когда его власть уже приобретет давность, ни оказаться чересчур медлительным в своем отказе от империя, ни чересчур сильным, чтобы его за собой удержать».⁶ На этой основе Элио Довере интерпретировал интеррегнум как средство против возможной узурпации царской власти каким-либо из *patres*, которых он рассматривает в качестве крупных землевладельцев [Dovere, 2009, p. 328–330]. В архаической реальности, однако, целью интеррегнума было скорее слежение за волей богов с помощью ауспигий.

Определение senatorской власти как *auctoritas patrum* устанавливало связь с ауспигиями.⁷ Этимологически понятие *auctoritas patrum* восходит к

¹ Об ауспигиях *patres* см. *Cic. ad Brut.* 1.5.4: *auspicia ad patres redire*; *Leg.* 3.9: *auspicia patrum sunt*; *dom.* 38: *patricium esse*; *Liv.* 6.41.6: *patribus propria esse auspicia*; *patres privatos auspicia habere*; 10.8.9: *penes patres esse auspicia more maiorum*.

² *Liv.* 6.41.5–6: *penes quos igitur sunt auspicia more maiorum? nempe penes patres; nam plebeius quidem magistratus nullus auspiciato creatur; nobis adeo propria sunt auspicia, ut non solum quos populus creat patricos magistratus non aliter quam auspiciato creet sed nos quoque ipsi sine suffragio populi auspiciato interregem prodamus et privatim auspicia habeamus, quae isti ne in magistratibus quidem habent*.

³ О принадлежности идиомы *auspicia populi Romani* республиканской эпохе см. [Versnel, 1970, p. 319–339].

⁴ *Liv.* 5.31.7; 52.9; 6.5.6; 8.17.4. Ср. [Magdelain, 1964, p. 342–344].

⁵ О выражении *redire ad* и глаголе *redeo* см. [Heuss, 1982, S. 419–421; Linderski, 1990, p. 38–39].

⁶ *Cic. rep.* 2.23: *ut quoad certus rex declaratus esset, nec sine rege civitas nec diuturno rege esset uno, nec committeretur ut quisquam inveterata potestate aut ad deponendum imperium tardior esset aut ad optinendum munitior*.

⁷ О различии между *auctoritas patrum* и республиканской *auctoritas senatus* см. [Magdelain, 1990, p. 385–403].

корню *aug*, который также очевиден в словах *auguria* и *auspicia*.¹ Как предполагается, термин *auctor* мог быть архаическим индоевропейским обозначением лица, которое понимало волю богов [Ernout, Meillet, 1967, p. 55–56; 88–89; Walde, Hofmann, 1938, S. 83; Hellegouarc’h, 1963, p. 321–323]. Власть сенаторов (*auctoritas patrum*) основывалась на их праве интерпретировать божественную волю.² В отсутствие царя *patres* были единственными, кто мог *auspicare*. В ранней республике решения народных собраний нуждались в утверждении *auctoritas patrum*, которое можно рассматривать как симуляцию божественной санкции (*auspicia* > *auctoritas*).³ Закон Публилия Филона (*lex Publilia Philonis de auctoritate patrum*) сделал эту санкцию предварительной по отношению к народным собраниям в 339 г.⁴

Для выполнения своей функции наблюдения за волей богов во время интеррегнума сенаторы образовывали группы по десять человек. В рассказе Дионисия Галикарнасского (2.57.1–2): «двести патрициев, включенные Ромулом в сенат, были распределены по декуриям. Затем, бросив жребий, они поручили первым десяти, на кого он выпал, отправлять в государстве высшую должность. Но они царствовали не все вместе, а каждый по отдельности в течение пяти дней, имея фасции и остальные знаки царского достоинства. По истечении срока своих обязанностей первый передавал правление второму, а тот — третьему, и так продолжалось вплоть до последнего. По окончании отведенного им пятидесятидневного срока правления первых десяти, следующая десятка принимала власть, а от них в свою очередь новые». Альфред Хойс затратил немало сил, чтобы показать, что рассказ Дионисия о группах из десяти интеррекссов является анахронистической конструкцией, которая не могла существовать в раннем Риме [Heuss, 1982, S. 415–418]. Однако представляется, что этот вопрос имеет удовлетворительное решение и без отрицания свидетельства Дионисия. Ливий также описывает первое междуцарствие после смерти Ромула как правление сотни *patres*, организованных в десятки: «А потому сто отцов разделились на десятки, и в каждом десятке выбрали главного, поделив таким образом управление государством. Правила десять человек, но знаки власти и ликторы были у одного; по истечении пяти дней их полномочия истекали и власть переходила к следующей десятке, никого не минуя; так на год прервалось правление царей. Перерыв этот получил название междуцарствия, чем он на деле и был; слово это в ходу и поныне». ⁵ По Ливию, в течение пяти дней правили десять человек, но знаки власти и ликторы были у одного. В свете сообщений других авторов это

¹ *Cic. leg.* 2.12.31: *máximum autem et praestantissimum in re publica ius est augurum cum auctoritate coniunctum*; 3.12.28: *cum potestas in populo auctoritas in senatu sit*; *Val. Max.* 1.1: *maiores status sollemnesque caerimonias pontificum scientia, bene gerendarum rerum auctoritas augurum observatione*.

² О *auctoritas* как характеристике для *auctor* см. [Santangelo, 2013, p. 749].

³ *Cic. leg.* 3.12.28: *potestas in populo, auctoritas in senatu sit*.

⁴ Ср. [Graeber, 2001, S. 11–30].

⁵ *Liv.* 1.17.5–6: *Ita rem inter se centum patres, decem decuriis factis singulisque in singulas decurias creatis qui summae rerum praessent consociant. Decem imperitabant: unus cum insignibus imperii et lictoribus erat: quinque dierum spatio finiebatur imperium ac per omnes in orbem ibat, annumque interuallum regni fuit. Id ab re quod nunc quoque tenet nomen interregnum appellatum*.

обычно понимается в том смысле, что один интеррекс был правителем пять дней, а остальные девять сенаторов его ассистентами. Но это ли значение вкладывал в сообщение Ливий или его источник?

По-иному его можно понять, если обратиться к сообщению Плутарха о том же интеррегнуме после смерти Ромула: «А чтобы в этих шатких обстоятельствах раздоры не привели государство от безначалия к полной гибели, патриции, которых было сто пятьдесят человек, условились, что каждый из них будет по очереди облекаться знаками царского достоинства на шесть ночных и шесть дневных часов, принося установленные жертвы богам и верша суд. Это разделение обеспечивало равные преимущества сенаторам обоих племен и потому было одобрено; вместе с тем частая смена властей лишала народ всяких поводов к зависти, ибо он видел, как в течение одного дня и одной ночи человек превращался из царя в простого гражданина. Такой вид власти римляне называют междуцарствием».¹

Указание Плутарха, что каждый интеррекс по очереди изображал царя на шесть ночных и шесть дневных часов, согласуется со сведениями Ливия, что десять сенаторов совместно были ответственными за государство в течение пяти суток. При этом на каждого интеррекса приходилось «дежурство» в течение 12 часов — шесть ночных и шесть дневных. Поскольку у римлян сутки начинались в полночь (*Plut. QR. 84; Gell. 3.2.7–10; Dig. 2.12.8*), то совершенно понятно существование обычая, в соответствии с которым первому интеррексу, время которого по меньшей мере приходилось с полуночи до шести утра, было не принято проводить консульские выборы.² Варрон в передаче Авла Геллия (3.2.10) специально разъяснял этот вопрос: «порядок и обычай ауспий также демонстрируют то же самое соблюдение (сроков); ведь говорят, что магистраты, когда им нужно в один день совершить ауспии и сделать то, относительно чего было совершено гадание, проводят ауспии после полуночи, а дело совершают после полудня, причем считается, что и ауспии проведены, и дело сделано в один и тот же день». Макробий (*Sat. 1.3.2–12*), почти полностью цитируя ту же главу Варрона, что и Геллий, дает несколько иную версию данного пассажа: «магистраты, когда им нужно в один день совершить ауспии и сделать то, относительно чего было совершено гадание, проводят ауспии после полуночи, а дело совершают после восхода солнца (*post mediam noctem auspicantur et post exortum solem agunt*)». Выборы проводились в дневные часы, когда подходила очередь второго или третьего интеррекса. Отсюда становится понятно, почему у Ливия (и Дионисия) нормативным сроком интеррегнума предстает назначение двух (если выборы проводились с утра) или трех (если выборы приходились на вторую половину дня) интеррексов. Этот порядок, по-видимому, сложился с течением времени на основе исходной структуры, представленной десятью интеррексами, которые поочередно сменяли друг друга в течение пяти суток. Это делает понятным разделение сенаторов на десятки: именно такое количество интеррексов было необходимо для дежур-

¹ *Plut. Numa 2.7*: ἔταξαν οἱ πατρίκιοι, πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν ὄντων αὐτῶν, ἕκαστον ἐν μέρει τοῖς βασιλικαῖς παρασήμοις κοσμοῦμενον θύειν τε τοῖς θεοῖς τὰ νενομισμένα καὶ χρηματίζειν ἕξ μὲν ὥρας τῆς νυκτός, ἕξ δὲ τῆς ἡμέρας.

² *Ascon. pro Mil. p. 38 Clark*: Non fuit autem moris ab eo qui primus interrex proditus erat comitia haberi....

ства в течение пяти суток по шесть ночных и шесть дневных часов. Иными словами, ранние междуцарствия были скорее своего видом авгурий, нежели похожи на республиканские ауспиции для электоральных комиций. Поэтому Андре Магделен полагал, что междуцарствия царской эпохи принадлежали *ius sacrum* как религиозный обычай [Magdelain, 1990, p. 388].

Переход к республике был связан с передачей царских полномочий жрецам и магистратам. авгурии перешли от царя к коллегии авгуров, вероятно объединявшей представителей первоначальных трех триб. От авгурий отделились ауспиции, ставшие атрибутом магистратов, которые испрашивали волю богов для всякого значительного начинания в государственных делах. В результате наследник царской должности в республиканском Риме — *rex sacrorum* оказался полностью лишен этих важных полномочий древних царей.

* * *

Как выше показано, древнейшие междуцарствия имели календарное происхождение. Косвенно это указывает и на характер царской власти в раннем Риме. Царь был прежде всего ритуальной фигурой, призванной играть главную роль в обрядах календарного цикла. Календарь же представлял собой осмысление законов мироздания, которые имели первостепенное значение для каждой древней общины. Календарные ритуалы были той (сакральной) сферой общественной практики, в которой мир римской общины напрямую и символически встречался с космическим миром богов. И в республиканскую эпоху наследовавший царям *rex sacrorum* исполнял главным образом обряды, связанные с календарем.

Как известно, первые шесть месяцев римского календаря, с января по июнь, были ориентированы на имена богов: *Ianuarius* — *Ianus*, *Februarius* — *Februus*, *Martius* — *Mars*, *Aprilis* — *Venus*,¹ *Maius* — *Maia*,² *Iunius* — *Iuno*.³ Другие шесть месяцев были без названий и обозначались порядковыми числительными от пяти до десяти: *Quintilis* (июль) — пятый, *Sextilis* (август) — шестой, *September* — седьмой, *October* — восьмой, *November* — девятый, *December* — десятый.

Ianuarius	Quintilis
Februarius	Sextilis
Martius	September
Aprilis	October
Maius	November
Iunius	December

¹ *Ovid. Fasti* 4.61–64 (ср. 85–90). По другой версии, апрель ассоциируется с *aperio* (открывать), *Varro LL* 6.33; *Censorin. die nat.* 20.

² В основе *Maius* индоевропейский корень **meg-* (великий), как в *magnus*, *majestas*, *maximus*, *magister*, *maius*. Существовали предположения о его происхождении от *Maia* (богиня земли) (*Censorin. die nat.* 20.2) или от *Jupiter Maius*, который, согласно Макробию (*Sat.* 1.12.17) почитался в Тускуле, подобно в *Jupiter Optimus Maximus* в Риме.

³ Варрон (*LL* 6.33) связывал название июня с *iuniores*, в противовес маю от *maiores*.

Вторая часть календаря выглядит как зеркальное отражение первой части. Такой календарь явно был связан с солнечными циклами. Его начало следовало за зимним солнцестоянием, так что первые шесть месяцев отмечали период растущего солнца, увеличения солнечной активности и связанного с ней роста растительности. Тогда как вторая половина календаря отмечала период уменьшающейся солнечной активности, который начинался после летнего солнцестояния. Божественное происхождение названий первых шести месяцев указывает на их священный характер. Напротив, обозначение месяцев порядковыми числительными показывает их принадлежность к обыденной (профанной) сфере жизни. В реальной экономической жизни завершение годового цикла было связано со сбором урожая и подсчетом подрощенного приплода скота и птицы. Так что вторая половина года в обыденной жизни была не менее, а скорее более важным периодом для древних земледельцев и животноводов. Этот пример наглядно демонстрирует, что ментальность мифопоэтической эпохи не управлялась напрямую законами хозяйственной практики или реальной политики. Сакральными, а значит неизмеримо более важными, были процессы происходящие в космосе, который по отношению к жизни римской общины представлялся иным миром, доступ в который имел лишь царь — лучший из людей, особенный (отмеченный богами) представитель человеческого рода. И реальная практика подкрепляла это положение: ведь хороший урожай зависел от посева, погодных условий и множества природных факторов первой половины года.

Деление года на две половины в соответствии с возрастающей и убывающей солнечной активностью, как кажется, послужило основой одного древнего латинского обычая. В историческую эпоху первая половина года была наполнена обрядами исполняемыми *tex sacrogitum*, тогда как во второй половине года праздники с его участием практически отсутствовали. Вероятно, это было проявлением поверья, что царь не может быть связан с периодом «умирающего солнца». Это выглядит так, будто царь символически уединялся от общества на вторую половину года. На этой основе мог возникнуть обычай назначения временного заместителя царя на периоды ухудшения метеорологической обстановки, когда царь был вынужден концентрировать усилия на магических действиях по возвращению хорошей погоды, необходимой земледельцам.

Таким суррогатным правителем, как видится, был диктатор (*dictator*), назначавшийся на короткий срок. Этот срок не должен был превышать шесть месяцев.¹ Можно предположить, что такой нормативный период в шесть месяцев возник на основе древнего обычая передачи царем власти диктатору только в период с квинтиля по декабрь. Назначение такого заместителя, вероятно, требовалось в тех случаях, когда в присутствии царя нуждались за пределами Рима, а боязнь негативных последствий его отсутствия заставляла от таких выездов во вторую половину года воздерживаться. Титул «диктатор» произведен от глагола *dictare*, учащенной формы *dicere*, и понимается обычно в смысле «тот, кто отдает приказы» [Ernout, Meillet, 1967,

¹ *Cic. leg.* 3.3; *Liv.* 3.29; 9.34; 23.23; *Dionys.* 5.70.4; 10.25; *Dio Cass.* 36.34; 42.21; *Zonar.* 7.13.

р. 174; Irmischer, 1983, p. 55–56]. В то же время, ритуал назначения диктатора назывался *dictio*, а его самого часто называли *dicator*.¹ Это могло означать, что диктатором именовался тот, кто был назначен на должность, получил приказ.² По определению Плутарха (Марс. 24.12): «Ведь диктатор не избирается ни народом, ни сенатом, но один из консулов или преторов выходит к народу и объявляет диктатором того, кого сочтет нужным. Отсюда и название «диктатор» от латинского *dicere* «объявлять». Иные утверждают, будто его называют так потому, что он не назначает подачи мнений и голов, но просто отдает приказы по своему усмотрению. А приказы властей (по-гречески — *diatágmata*) у римлян обозначаются словом *edictum*». Выражение Плутарха λέγει δικάτορα и использование кальки с латинского глагола *dicere* (δίκηρε) воскрешают в памяти латинскую фразу *dictatorem dicere*, от которой по мнению римских авторов произошел титул диктатора.³

Диктатор носил также другой титул — *magister populi*.⁴ Термин *magister* указывает, что его носитель рассматривался скорее как «исполнитель ритуала», нежели как магистрат.⁵ Упомянув этот термин, Цицерон ссылаясь на авгурские книги (*nostris libri*).⁶ Этимология слова *magister* восходит к индоевропейскому корню **meg-* «великий» [Ernout, Meillet, 1967, p. 378]. Превращение диктатора в экстраординарного магистрата произошло, по-видимому, довольно поздно. Вряд ли это могло быть раньше, чем консулы из военных предводителей, действовавших за пределами померия, получили полномочия и в городе. Ведь в историческую эпоху консул назначал диктатора. Диктатор не выбирался народом и должен был слагать полномочия как только исполнял задачу, ради которой его назначали. Назначение диктатора консулом, а не выбор комициями, делают диктатуру сравнимой с жреческой должностью, так же как жрецы также не выбирались комициями. По мнению Дэвида Коэна, назначение в ночной тишине (*nocte silentio*)⁷ придавало диктатуре таинственность, граничащую с мистикой [Cohen, 1957,

¹ Цицерон объяснял название *dictator* от *dicere*: «сам его титул свидетельствует о сущности его власти. Ведь диктатор именно оттого так называется, что его назначают» (*Cic. rep.* 1.63: *ipsum nomen vim suae potestatis indicat. nam dictator quidem ab eo appellatur quia dicitur*). О связи термина *dictator* с глаголом *dicere* также см. *Varro* LL 5.82; 6.61; *Dionys.* 5.73.1.

² *Varro* LL 5.82: *dictator, quod a consule dicebatur, cui dicto audientes omnes essent*.

³ О назначении диктаторов см. [Magdelain, 1968, p. 28–29; Sini, 1983, p. 111–136; Kunkel, Wittmann, 1995, S. 668–670].

⁴ *Varro* LL 5.82: *summa populi dictator, a quo is quoque magister populi appellatus. Reliqui, quod minores quam hi magistri, dicti magistratus, ut ab albo albus; 6.61: hinc dictator magister populi, quod is a consule debet dici; Seneca* Epist. 108.31: *Praeterea notat, eum quem nos dictatorem dicimus, et in historiis ita nominari legimus, apud antiquos magistrum populi vocatum; Fest.* p. 216 L: *optima lex [—] in magistro populi faciundo, qui vulgo dictator appellatur*.

⁵ О термине *magister populi* см. [Mommsen, 1877, S. 141–180; Alföldi, 1965, p. 43–44; Valditara, 1989, p. 202–204; Cornell, 1995, p. 235–236; Bunse, 1998, S. 62–70; Woodard, 2013, p. 21–25].

⁶ *Cic. rep.* 1.63: *sed in nostris libris vides eum Laeli magistrum populi appellari*.

⁷ См. *Liv.* 8.23.15; 9.38.14: *nocte deinde silentio, ut mos est*. О понятии «тишина» см. *Cic. div.* 2.71–72.

р. 314–318].¹ Запрет диктатору садиться на коня² уподоблял его фламину Юпитера.³ Это привело Коэна к предположению, что диктатура имела религиозное происхождение.

Согласно древним представлениям, римляне могли вступать в войну только когда кем-либо из соседей было нарушено спокойствие вселенной (затронут мир богов — *рах деогум*). Это вызывало гнев обиженных божеств, умиловить который можно было кровью преступника. В этом случае военачальник выступал в роли жреца, а предполагаемый противник — свято-татца, подлежащего принесению в жертву. Война оказывалась сродни ритуалу жертвоприношения, в котором жрец общался с богами посредством ауспиций.⁴ Представления такого рода, очевидно, возникли задолго до того, как римские войска стали возглавлять гражданские магистраты. Диктатор как раз и подходил на роль такого главы — магистра — воинской коллегии (*populus*), коллективным защитником богов выступавшей из Рима с целью наказать свято-татцев.

Обряд назначения диктатора (*dictio*) консулом, по-видимому, имитировал поведение древнего царя-авгура.⁵ Первоначально диктатор назначался царем, а в эпоху республики это право царя перешло к заменившим его консулам. В этом смысле консулы действительно переняли полномочия древних царей. Иначе говоря, природа власти диктатора (магистра) качественно отличалась от консульской (магистрата). В республиканскую систему магистратур диктатура была заимствована из другой эпохи с несвойственным ей порядком. Империй диктатора не был полномочиями, полученными от народа. В отличие от диктатора, консулы (преторы) выбирались центуриями и от них получали военный империй. Вступив в должность, они проводили собрание курий, чтобы приобрести ауспиции и тем узаконить империй (*Gell.* 13.15.4). В царскую эпоху диктатор назначался царем и, вероятно, проходил аккламацию воинов, выражавших диктатору согласие подчиняться его приказам. С превращением консулов в главных магистратов республики, возможно, по их образцу диктаторы стали имитировать приобретение империя с помощью куриатного закона на Комиции.⁶

Символический раздел годового цикла между царем и диктатором, возможно, нашел отражение в обряде Поплифугия (*poplifugia* или *populifugia*, буквально «бегство народа»). В республиканском календаре он приходился на ноны июля.⁷ Согласно античным описаниям праздника у Ливия, Дионисия и Плутарха, празднование *Poplifugia* было учреждено после загадочного исчезновения Ромула. Древние авторы сообщают несколько версий этого события, среди которых мифологическая заслуживает предпочтительного внимания. Дионисий (2.56.2) пишет, что те «кто придерживается мифологической стороны обстоятельств, заявляют, что Ромул находился на сход-

¹ Ср. [Сморчков, 2009, с. 66–67].

² *Plut.* Fab. Max. 4; *Liv.* 23.14.2; *Zonar.* 7.14.

³ *Plin.* NH 28.146; *Fest.* p. 71 L. s.v. eques; *Plut.* QR 40; *Gell.* 10.15.3; *Serv.* ad Aen. 8.552.

⁴ См. [Токмаков, 1994, с. 132–133].

⁵ О *dictio* см. [Сморчков, 2009, с. 67–68].

⁶ *Liv.* 5.46.10–11; 51. 1; 9.38.15–39. 1.

⁷ О Капрагинских Нонах 5 или 7 июля см. [Woodard, 2013, p. 36–41].

ке в лагере, когда внезапно с неба пал мрак и разразилась страшная буря, и он стал невидимым, и сочинители уверяли, что сего мужа похитил его отец Марс». Ливий (1.16.1–8) пересказывает эту версию более подробно: «Когда Ромул, созвав сходку на поле у Козьего болота, производил смотр войску, внезапно с громом и грохотом поднялась буря, которая окутала царя густым облаком, скрыв его от глаз собравшихся, и с той поры его никто не видел. Когда непроглядная мгла рассеялась, римляне увидели царское кресло пустым. Через некоторое время на сходку явился некто Прокул Юлий и заявил: «Ромул, отец нашего города, внезапно сошедший с неба, встретился мне нынешним утром и сказал: «Отправляйся и возвести римлянам: угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира. А посему пусть будут усердны к военному делу, пусть ведают сами и потомству передают, что нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию». И с этими словами удалился на небо».

Плутарх (Rom. 27) называет день исчезновения Ромула нонами квинтиля (то есть июля) или Капратинскими нонами, «когда исполняют многочисленные обряды, воспроизводящие тогдашние события» (Numa 2). Ромул совершал общественное жертвоприношение в присутствии сената и народа. Собрание происходило за городской стеной, близ так называемого Козьего болота; как вдруг солнце затмилось, наступила ночь с оглушительным громом и ураганными порывами ветра со всех сторон; толпа в ужасе бросилась бежать и рассеялась, а Ромул исчез, и ни живого, ни мертвого найти его не удалось.¹

Как представляется, эти версии в совокупности восходят к описанию некоего ритуала. Царь, совершая жертвоприношение, созывал *populus* для военной службы, и мужчины стремглав бежали на Марсово поле, где обычно собиралась римское войско. В республиканскую эпоху набор воинов обычно проводился на Форуме (*Varro* LL 6.90). А с вооружением, ношение которого запрещалось внутри померия, граждане выступали в роли воинов уже на Марсовом Поле. Согласно Дионисию (4.22.1–2), «после того как Туллий установил ценз, он распорядился, чтобы все граждане сошлись на самую большую равнину перед городом при оружии и, расставив всадников по их отрядам, пеших воинов — в фаланге, а снабженных легким вооружением — каждого в свои собственные центурии, он совершил обряд их очищения жертвоприношением быка, барана и козла. Приказав, чтобы эти жертвенные животные были трижды проведены вокруг войска, он принес их в жертву Марсу, владеющему Полям. И в мое время после проведения цензов римлян таким же образом очищают те, кто обладает высшей священной властью, называя это Люстром».²

Следует иметь в виду, что слово *populus* первоначально означало «войско», а не «народ». В источниках имеются множество указаний, что понятие *populus* имеет военную окраску [*Valditara*, 1999, p. 14–15, 17–18]. Глагол *populari* имеет значение «захватывать» или «разрушать». В песне салиев (*carmen saliare*) имеются слова *pilumnoe poploe*, которые означают «воору-

¹ *Dionys.* 2.56.2; *Liv.* 1.16.1–8; *Plut.* Rom. 27.4; Numa 22. Подробнее см. [Briquel, 1977, p. 253–282; Edlund, 1984, p. 401–408].

² Об обряде тройной жертвы (*suovetaurilla*) см. [Woodard, 2013, p. 46].

женные копьями воины» (*pilum* — копье) [Cornell, 1995, p. 448 n. 60; Smith, 2006, p. 198–202]. В древние времена слово *Quirites*, вероятно, обозначало граждан определенной возрастной категории, между молодежью (*iuvenes*) и стариками (*seneces*). Сам термин *Quirites* считается производных либо от *virī* (мужчины), либо от *curia* (дом собрания мужчин), либо от *curis* — копье.¹ Допустимо представление о ранних квиритах как взрослых членах куриий, вооружением которых было копье-*curis*.² В таком случае термин *populus* мог использоваться для обозначения молодых воинов, вооруженных копьем-*pilum*. Только после так называемой Сервиевой реформы *Quirites* и *populus*, видимо, становятся синонимами. Так что в ритуале Поплифугия речь, вероятно, шла о молодых воинах архаической эпохи.

Когда по призыву царя воины прибыли на Марсово поле, они не могли нигде найти призвавшего их царя, он исчез. Дело можно представить так, что царь с конца июня предпочитал оставаться в своем дворце на Палатине, а позднее в Регии. Некий знатный муж по имени Прокул объяснил воинам, что их царь ныне пребывает на небесах.³ Иначе говоря, он занят своей магической деятельностью в священном месте, то есть во дворце. Получив разъяснение, воины должны были узнать, кто будет их военный командир вместо царя. История исчезновения Ромула в передаче Ливия и Плутарха ничего не сообщает об этом. Однако если в основе этой истории лежал объяснительный миф, то он должен был называть диктатора.

Понятие *proculus* от *proculus* (*procer*), образующее имя Прокула Юлия, могло означать обозначать вождя, предводителя.⁴ *Proculus*, как древний преномен, упоминается в анонимном сочинении «об именах» (*de praenom.* 3).⁵ Позднее *Proculus* стало рассматриваться как имя, уменьшительное от *Prociās/Proca* [Peruzzi, 1970, p. 12–13, 18–21, 32–34]. Оно оказалось связано с номеном Юлиев, вероятно, только в поздней письменной традиции, с целью прославления этого рода.⁶ Прокул Юлий явился в Рим из Альбы после смерти Ромула. Этот Прокул Юлий впоследствии фигурирует в числе претендентов на царский титул вместе с Нумой Помпилием и Волезом Волезием.⁷ Представление о триаде претендентов на «царство» могло возникнуть на основе соревновательного ритуала февральских Эквирий [Коптев, 2009, с. 176–202]. Если Нума стал царем, а Волез, возможно, предводителем целеров при царе,⁸ то Прокулу оставалась роль диктатора, предводителя воинов.

¹ Об этимологической связи *quirites* и *curiae* см. [Smith, 2006, p. 184–234].

² О (народно)этимологической связи *Quirinus* и *curis* см. *Ovid Fasti* 2.475–512; *Dionys.* 2.48.4. Ср. [Woodard, 2013, p. 195–197].

³ *Ovid Fasti* 2.499; *Plut. Rom.* 28.

⁴ См. *Liv.* 2.20.11: *iuuentutis proceres*; *Fest.* p. 290 L.: *procum patricium... significat procerum; i enim sunt principes*; *Serv. ad Aen.* I.740: *proceres autem ideo secundum Varronem principes ciuitatis dicuntur*.

⁵ *Paul. Fest.* p. 251 L. (14–17) s.v. *proculum*.

⁶ Ср. [Nesselrath, 1990, p. 153–172].

⁷ Плутарх (Numa 5) упоминает, что вместе с Нумой Помпилием на царскую власть в Риме претендовали Οὐέλεσος (*Volesus >Valerius*) и Πρόκλος (*Proculus*).

⁸ Имя легендарного Валерия Попликолы напоминает о титуле *magister populi*. См. [Gagé, 1976, p. 79–105; Mastrocinque, 1984, p. 217–220; Solin, 2009, p. 271–272, 284–287].

Как кажется, Поплифугий принадлежал к числу обрядов, маркировавших переход во вторую половину года. Народный праздник летнего солнцестояния приходился на день Фортуны 24 июня. А Поплифугий в древности, видимо, был военным, юношеским праздником. Подобно тому как Луперкалии 15 февраля начинали подготовку к мартовскому году, так и Поплифугий 5 июля завершал период роста солнечной активности. Оба праздника принадлежали к обрядам перехода. Присутствие идеи «бега» в этих обрядах указывает на пересечение границы между пространствами.¹

После того, как Сервиева реформа включила в состав центуриатного войска взрослых граждан всех возрастов (*Gell.* 10.28), Поплифугий стал праздником всего народа. В 304 г., когда 15 июля был учрежден парад молодых всадников (*transvectio equitum*), видимо, еще помнили о связи июльских дней с молодежью, хотя сам обряд Поплифугия был уже устаревшим.

Легенда об исчезновении Ромула символически указывает на перемену статуса царя при переходе во вторую половину года. Из персонификации молодого Марса он становится взрослым Квирином. Ассоциация с божеством перехода граница *Janus Quirinus* здесь вполне уместна [*Woodard, 2013, p. 194–198*]. Квириин часто трактуется как бог квиринов, организованных в курии [*Kretschmer, 1920, p. 145–157; Dumézil, 1996, p. 160–161; Coarelli, 1983, p. 192–197; Smith, 2006, p. 198–201; Woodard, 2006, p. 21; 2013, p. 199*]. Военный сезон римлян, продолжавшийся с марта по октябрь, как бы подразделялся на два периода. Первый период с марта по июнь включительно был сезоном молодежных отрядов, а второй — с июля по октябрь — соответственно, взрослых набегов, связанных с захватом реальной ценности в виде урожая. Поплифугии делили военный сезон как раз на две равные части.

В то же время, в мифологическом пространстве символическая граница понималась как вход в иной мир. Рожер Вудард обращает внимание на версию исчезновения Ромула в храме Вулкана в присутствии одних сенаторов (*Plut. Rom. 27*). Согласно Витрувию (1.7.1), храмы Вулкана и Марса, как божеств связанных с разрушением и убийством, должны были находиться за пределами священного померия. Постройка первого храма Вулкана за померием приписывалась Ромулу.² В Риме было два храма Вулкана, один древний ассоциировался со святилищем *Volcanal*, находившемся по соседству с Комицием на Римском Форуме, а другой на Марсовом поле. Античные авторы и современные исследователи полагают, что померий Ромула окружал только Палатин, и потому *Volcanal* на Форуме находился за его пределами. Однако представление о Ромуловом померии вряд ли выходит за пределы умозрительной конструкции.³ Известная нам история Ромула была создана лишь в III в., когда был построен храм Вулкана на Марсовом поле. Поэтому представление, что Ромул построил храм Вулкана за померием, относится именно к нему. Поздние же авторы, уточнившие, что Ромулов Рим занимал только Палатин, естественно, ассоциировали с ним и померий. Таким об-

¹ Подробнее см. [*Woodard, 2013, p. 47*].

² *Dionys. 2.50.2; Plut. QR. 47*.

³ *Tac. Ann. 12.24.1; Gell. 13.14.2*.

разом, Volcanal стал считаться древнейшим святилищем, сохранным со времен Ромула во время последовавшей при Тарквиниях постройки Форума и изменения границ померия. Как известно, Тарквинии убрали с Капитолия все древние святилища при подготовке места для храма Юпитера. Почему же они не могли сделать то же самое на Форуме? Поскольку Форум, как и Комиций, не «глубоко архаичное сакральное пространство», а конструкция VI в., то и Volcanal принадлежит этому времени. В конструкции Форума место и функции Volcanal, как и соседнего lacus Curtius, были, очевидно, тщательно продуманы. Volcanal обозначал вход в иной мир, связанный с огнем, а lacus Curtius — с водой. И конечно же, этиологические легенды, возникшие позднее в народе для объяснения этих построек, не имели ничего общего с их назначением.

Volcanal был огороженным местом на Форуме, символически отделенным от священного пространства. Плиний (NH 16.236) приписывал его постройку Ромулу. Очевидно, здесь находился вход в иной мир, который использовал царь во время своих обрядов. В частности, во время Регифугия rex sacrogam приносил жертву на Комиции, откуда и начинал свой бег, а затем исчезал в неизвестном направлении. Volcanal находился как раз рядом с Комицием, так что предположение напрашивается само собой: царь исчезал в ином мире. В таком случае и рассказ о смерти Ромула в храме Вулкана лишь представляет символику священного ритуала в рациональных образах обыденной жизни, заменяя понятие «инога мира» упрощенным представлением о «смерти». Поэтому Volcanal в римской исторической мифологии ассоциировался с могилой Ромула [Gantz, 1974, p. 350–361; Coarelli, 1983, p. 161–199; Capdeville, 1995, p. 87–94]. Хотя, как отмечает Цицерон (leg. 2.58), внутри померия нельзя было ни хоронить, ни сжигать покойников.

Таким образом, в глубокой древности в то время как ropulus (молодые воины) справлял на Марсовом поле коллективный обряд Поплифугия, rex sacrogam на Комиции проводил свой обряд в присутствии Quirites (взрослых граждан). Со временем, когда содержание понятий ropulus и Quirites изменилось, истинное содержание обрядов было забыто в силу утраты актуальности.

* * *

Республиканские консулы, будучи избраны центуриями, легитимировали свой империй в куриатных комициях, где приобретали право общаться с богами (ius auspicis) [Humm, 2012, p. 57–84]. Единство военной и гражданской власти консулов было, если так можно сказать, сборным, ибо военные и гражданские полномочия они приобрели в разные исторические периоды. Иное дело цари. Их власть над миром была нерасчлененной и абсолютной. Выбранный сенатом кандидат на царство получал одобрение народа на Комиции.¹ Затем проводилась сакральная инаугурация или признание царя богами [Blaive, 1998, p. 63–87]. Ее обычно представляют по описанию Ливием (1.18.6–10) инаугурации Нумы Помпилия. Царем становились по велению

¹ Gell. 15.27.3: «В первой книге Лелия Феликса «К Квинту Муцию» написано, что, согласно Лабееону, калатные комиции (comitia calata) — это такие, которые созывались перед коллегией понтификов для избрания либо царя, либо фламинов».

богов, а роль сената и народа состояла лишь в том, что они предлагали богам правильного кандидата. Власть царя была от Юпитера и не имела ограничений. Такое представление оправдывает часто встречающееся мнение, что для царской эпохи нет смысла говорить об особом военном империи. Диктатор был военным порученцем (магистром) царя, приказ которого нес в себе необходимые для его выполнения полномочия (империй). Диктаторский империй был лишь частицей (отблеском) абсолютной власти царя над миром, но поскольку эта власть была божественного происхождения, противостоять даже малой ее части было невозможно ни одному человеку. Консулы же в эпоху республики могли приобрести военный империй только от народа. И только тогда он стал рассматриваться как определенный набор полномочий, то есть имеющий ограничения.

Этот краткий обзор показывает, что у римлян существовало два представления о власти, пространственно разделявшиеся померием. Власть царя внутри померия была основана на его связи с богами посредством ауспиций и потому именовалась *auctoritas*. Именно этот тип власти впоследствии перешел к сенату как коллективному хранителю ауспиций. Власть за померием первоначально формировалась как полномочия (*imperium*), полученные от царя посредством *dictio*, и принадлежала диктатору. При республике она стала вручаться высшим магистратам от имени народа. Если источником власти и закона в Городе выступали боги, рассматривавшиеся, таким образом, в качестве источника римского суверенитета, то за померием власть вручалась центуриатным собранием граждан, которые, таким образом, выступали в роли источника и законов, и суверенитета. Первая из этих концепций господствовала в царскую эпоху, вторая при республике. Поэтому, когда римские авторы сообщают, что со времен Ромула утверждение законов было прерогативой народа (Dionys. 2.14.3), это означает лишь, что функции куриатных комиций (которые, согласно Цицерону, уже вышли из употребления в его время) они рассматривали по аналогии с трибутными и центуриатными собраниями.¹ Куриатные комиции скорее всего никаких законов не принимали, а могли лишь утверждать (то есть соглашаться выполнять, клясться в верности) те, которые от имени богов предлагали им царь или жрецы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
2. *Blaive Fr.* De la «designatio» à l'«inauguratio». Observations sur le processus de choix du «rex Romanorum» // RIDA. 3e série, 65. 1998. P. 63–87.
3. *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewahl. Auspicium — potestas — imperium // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-Hist. Klasse. Göttingen, 1981. S. 255–297.
4. *Briquel D.* Perspectives comparatives sur la tradition relative à la disparition de Romulus // Latomus. 36. 1977. P. 253–282.
5. *Bunse R.* Das römisches Oberamt in der frühen Republik und das Problem der “Konsulartribunen”. Trier, 1998.

¹ *Gai.* inst. 1.3: Lex est, quod populus iubet atque constituit. Cp. *Cic.* leg. 1.19; Dig. 3.32.1.

6. *Capdeville G.* Volcanus. Recherches comparatistes sur les origines du culte de Vulcain. Rome, 1995.
7. *Coarelli F.* Il Foro Romano. I. Periodo arcaico. Roma, 1983.
8. *Cohen D.* The Origin of Roman Dictatorship // *Mnemosyne*. 10. 1957. P. 300–318.
9. *Coli U.* Regnum // *SHDI*. 17. 1951. P. 1–168.
10. *Cornell T.J.* The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars. London-New York, 1995.
11. *Dovere E.* “Nec diuturno rege esset uno”. Rilievi sull’interregno d’età arcaica // *Latomus*. 68. 2009. P. 319–339.
12. *Dumézil G.* Archaic Roman Religion, trans. Philip Krapp. Baltimore, 1996.
13. *Etlund I.E.M.* Must a King die? The Death and Disappearance of Romulus // *PP*. 219. 1984. P. 401–408.
14. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1967.
15. *Friezer E.* Interregnum and patrum auctoritas // *Mnemosyne ser. IV*. 12. 1959. P. 301–329.
16. *Gagé J.* La chute des Tarquins et les débuts de la république romaine. Paris, 1976. P. 79–105.
17. *Gantz T.N.* Lapis Niger: the Tomb of Romulus // *PP*. 29. 1974. P. 350–361.
18. *Graeber A.* Auctoritas patrum: Formen und Wege der Senatsherrschaft zwischen Politik und Tradition. Berlin, 2001.
19. *Guarino A.* Il vuoto di potere nella “libera respublica” // *Atti dell’Accademia di Scienze morali e politiche di Napoli*. 82 1971. P. 288–312 = *Guarino A.* Le origini quiritarie, Raccolta di scritti romanistici. Napoli, 1973. P. 129–151.
20. *Gusso M.* Politica, istituzioni e interregnum nel 77 A.C. // *Rivista di cultura classica e medioevale*. XLIII. 2001. P. 51–66.
21. *Hellegouarc’h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. Paris, 1963.
22. *Herzog E.* Das Institut des Interregnums in System der Staatsverfassung // *Philologus*. 34. 1876. S. 498–515.
23. *Heuss A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-Hist. Klasse*. Göttingen, 1982. S. 377–454.
24. *Humm M.* The Curiate Law and the Religious Nature of the Power of Roman Magistrates // *Religion and Law in the Roman Republic*, edited by O. Tellegen-Couperus. Leiden, 2012. P. 57–84.
25. *Irmscher J.* La dittatura. Tentativo di una storia concettuale // *Meloni G.* (ed.) *Dittatura degli antichi e dittatura dei moderni*. Roma, 1983. P. 55–75.
26. *Jahn J.* Interregnum und Wahldiktatur. Kallmuenz, 1970.
27. *Kaplan A.* Dictatorship and “Ultimate” Decrees in the Early Roman Republic 501–202 BC. New York, 1977.
28. *Koptev A.* *Rex Sacrorum: The Roman King in Space and Time* // *Ollodagos: Actes de la Société Belge d’Études Celtiques*. XXVII. 2012. P. 51–130.
29. *Kretschmer P.* Lateinische quirites und quiritare // *Glotta*. 10. 1920. P. 145–157.
30. *Kunkel W., Wittmann R.* Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. München, 1995.
31. *Lesiński J.* Quintus Fabius Maximus Verrucosus: a dictator in 217 BC? // *Derda T., Urbanik J., Węcowski M.* (eds.) *ΕΥΕΡΓΕΣΙΑΣ ΧΑΡΙΝ*. Studies Presented to Ewa Wipszycka and Benedetto Bravo by Their Disciples. Warsaw, 2002. P. 131–158.
32. *Linderski J.* The Augural Law // *ANRW*. II. 16. 3. 1986. S. 2146–2312.

33. *Linderski J.* The auspices and the struggle of the orders // *Eder W.* (ed.) Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Akten eines Symposiums, 12. – 15. Juli 1988, Freie Universität Berlin. Stuttgart, 1990. P. 35–38.
34. *Liou-Gille B.* Une lecture “religieuse” de Tite-Live I. Cultes, rites, croyances de la Rome antique. Paris, 1998.
35. *Lübnow von U.* Das römische Volk: Sein Staat und sein Recht. Frankfurt am Main, 1955.
36. *Lübnow von U.* Die lex curiata de imperio // ZSS. RA. 69. 1952. S. 154–168
37. *Magdelain A.* ‘Auspicia ad patres redeunt’ // Renard M., Schilling R. (éds.) Hommages à Jean Bayet. Bruxelles, 1964. P. 427–431 = *Magdelain A.*, Jus imperium auctoritas: Études de droit romain, Rome, 1990. P. 341–344;
38. *Magdelain A.* Cinq jours épagomènes à Rome ? // REL. 40. 1962. P. 201–227 = *Magdelain A.* Jus imperium auctoritas: Études de droit romain. Rome, 1990. P. 279–303.
39. *Magdelain A.* De l’“auctoritas partum” à l’“auctoritas senatus” // *Magdelain A.* Jus Imperium Auctoritas. Études de droit romain. Rome, 1990. P. 385–403.
40. *Magdelain A.* Recherches sur l’‘imperium’. La loi curiate et les auspices d’investiture. Paris 1968.
41. *Mastrocinque A.* Il cognomen Publicola // PP. 34. 1984. P. 217–220.
42. *Merrill E.T.* The Roman Calendar and the Regifugium // CPh. 19. 1924. P. 20–39.
43. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 2e Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1877.
44. *Nesselrath H.G.* Die gens Iulia und Romulus bei Livius (Liv., I, 1–16) // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 16. 1990. P. 153–172.
45. *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford, 1965.
46. *Sabbatuci D.* Il mito, il rito e la storia. Roma, 1978.
47. *Santangelo F.* Priestly *auctoritas* in the Roman Republic // CQ. 63. 2013. P. 743–763.
48. *Siber H.* Römisches Recht in Grundzügen für die Vorlesung. Bd. 1. Darmstadt, 1968.
49. *Sini F.* A proposito del carattere religioso del ‘dictator’ (note metodologiche sui documenti sacerdotali) // Studia et Documenta Historiae et Iuris. XLII. 1976. P. 401–424 = *Meloni G.* (ed.) Dittatura degli antichi e dittatura dei moderni. Roma, 1983. P. 111–136.
50. *Smith Chr.* The Roman clan: the gens from ancient ideology to modern anthropology. Cambridge, 2006.
51. *Solin H.* Sulla nascita del cognomine a Roma // *Pocchetti P.* (a cura di) L’onomastica dell’Italia antica. Aspetti linguistici, storici, culturali, tipologici e classificatori. Rome, 2009. P. 251–293.
52. *Staveley E.S.* The Conduct of Elections during an Interregnum // Historia. 3. 1954/55. P. 194–195.
53. *Valditara G.* Il magister populi tra monarchia e repubblica // *Firpo G., Zecchini G.* (eds.) «Magister»: aspetti culturali e istituzionali. Atti del Convegno (Chieti, 13–14 novembre 1997). Alessandria, 1999. P. 9–26.
54. *Valditara G.* Studi sul magister populi: dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989.
55. *Versnel H.S.* Triumphus. An inquiry into the origin, development and meaning of the Roman Triumph. Leiden, 1970.
56. *Vervaeet Fr.J.* The *Lex Valeria* and Sulla’s Empowerment as Dictator (82–79 BCE) // Cahiers Glotz. XV. 2004. P. 37–84.
57. *Volkman H.* Das Römische Interregnum und die persische Anomia // RhM. 110. 1967. S. 76–83.

58. Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938.
59. Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. I: Einleitung, Quellenkunde, Frühzeit und Republik. München 1988.
60. Woodard R. D. Myth, Ritual, and the Warrior in Roman and Indo-European Antiquity. Cambridge 2013.
61. Woodard R. D. Indo-European Sacred Space: Vedic and Roman Cult (Traditions). Illinois, 2006.
62. Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996.
63. Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998.
64. Контев А. В. *Interregnum* и *auspicia*: предварительные замечания // Мнемон. Вып. 11. 2012. С. 137–170.
65. Контев А. В. История добродетельной Лукреции между литературой, правом и ритуалом // Археология и Античный Мир. Вып. 13. Саратов 2009. С. 176–202.
66. Контев А. В. Царская власть в раннем Риме сквозь призму античной историографии. Saarbrücken, 2013.
67. Сморгачев А. М. Сакральные аспекты раннереспубликанской диктатуры // ВДИ. № 1. 2009. С.54–74.
68. Токмаков В. Н. Военная присяга и «священные законы» организации раннеримской Республики // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 125–147.

Поступила в редакцию 28.04.2014